

структурализм (во всех своих разновидностях) — это лишь метод исследования тех или иных явлений, а не особая философия. Попытки превратить структурализм в особую философию (они делались неоднократно), которая будто бы «примиряет всех», должны быть признаны совершенно несостоятельными⁷.

К сожалению, в наши дни среди лингвистов нашей страны находятся даже такие весьма странные ученые, которые, находясь под гипнозом «единства современной лингвистики» и всячески защищая это единство, приходят к полному отрицанию существования советской науки о языке с ее четко выраженными идеологическими устремлениями, с ее методом и с ее материалом. В одной только что вышедшей книге так прямо и сказано: «Или в распоряжении советского языкознания есть своя специальная лингвистическая теория, свой метод анализа и исследования языка? Так где же они, какие конкретно книги и работы содержат их описание?»⁸. Здесь очень характерны вопросительные знаки, которые призваны усилить иронию автора. Создатели подобных книг обычно и «не замечают» советского языкознания, которое весьма успешно развивается в нашей стране вот уже второе полустолетие, постоянно преодолевая на своем пути неизбежные трудности, а иногда и противоречия (в какой-то степени они естественны в такой сложной, большой и многоаспектной науке, какой является лингвистика)⁹.

Не менее важен и другой теоретический вопрос — место категории значения в науке о языке. Чего только не делали отдельные лингвисты, чтобы изгнать эту неудобную для односторонней формализации категорию за пределы нашей науки! Из этих попыток, однако, ничего не получилось. Тогда «фронт борьбы» был изменен. Возник новый модный тезис: «В языке — всё значение». Для подлинной науки о языке неприемлемы оба эти положения: и открытая борьба со значением, и борьба со значением, так сказать, с черного хода. Если в языке «всё значение», то чем бы ни занимался лингвист, он будто бы тем самым всегда исследует категорию значения. Здесь нельзя не вспомнить слова одного из видных современных швейцарских лингвистов, автора отличных и капитальных работ по лексикологии и лексикографии В. Вартбурга: «Нынешнее пренебрежение семантикой несомненно вызовет улыбку у будущих поколений лингвистов»¹⁰.

Такие ученые, как В. В. Иванов и его сторонники, не признают качественной специфики каждого отдельного языка. Не признают они и специфики «языка вообще» в отличие от других, самых разнообразных систем. В. В. Иванов и некоторые его поклонники готовы сближать язык с любой автоматической системой¹¹. К счастью, однако, для языка и для человечества, слова функционируют в языке совсем не так, как функционируют, например, уличные светофоры. Не могу здесь не обратить внимания на одну

⁷ См. в этой связи, в частности, предисловие проф. Г. Курсанова к книге французского математика: М у л у д Н о э л ь. Современный структурализм. Размышления о методе и философии точных наук. М., «Прогресс», 1973, стр. 13 и сл.

⁸ З в е г и н ц е в В. А. Язык и лингвистическая теория. М., Изд-во МГУ, 1973, стр. 125. Подробный анализ этой книги дан в моей рецензии: «Вопросы языкознания», 1974, № 1.

⁹ См. об этом, в частности, главу «Общее языкознание в СССР за 50 лет» в моей книге «Язык, история и современность», (М., Изд-во МГУ, 1971, стр. 7—27) и в рецензии на эту книгу французского лингвиста Ж. Верейнка, где вслед за автором названной главы перечисляются характерные особенности советского теоретического языкознания («Linguistics. An International Review». The Hague — Paris, Mouton, № 109, 1973, p. 120—122).

¹⁰ W. von W a r t b u r g. Problèmes et méthodes de la linguistique. Paris, 1963, p. 125.

¹¹ «... заслуживает внимания попытка объяснить некоторые особенности языка теми характеристиками восприятия..., которые присущи человеку как определенному прибору» (3, 243). О некорректности подобной постановки вопроса см. в яркой книге крупного специалиста в области электронной техники: Т а у б е М. Вычислительные машины и здравый смысл. Миф о думающих машинах. М., «Прогресс», 1964, стр. 128—132.